

II. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ*

II.1. ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

УДК 378

МАКРОТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В МИРЕ

О. Н. Олейникова, Ю. Н. Редина

Национальный офис Эразмус+ в России

Поступила в редакцию 18 мая 2018 г.

Аннотация: в статье дается обзор основных трендов глобального развития в контексте их влияния на трансформацию мировой системы высшего образования и международную мобильность, а также обозначены ключевые направления модернизации высшего образования и вызовы, стоящие перед университетами в контексте обеспечения устойчивости развития.

Ключевые слова: высшее образование, международная мобильность, мегатренды глобального развития, интернационализация, образовательные технологии.

Abstract: The article gives an overview of the current megatrends of global development and their impact on the transformation of the international higher education system and international student mobility as well as the key issues of higher education modernization and the challenges facing universities to ensure the sustainable development.

Key words: higher education, international student mobility, megatrends of global development, internationalization, education technologies.

Высшее образование как источник и условие формирования глобального человеческого капитала, а также основополагающий компонент социально-экономического роста и экономики знаний выступает одной из ключевых сфер, в задачи которой входит опережающее реагирование на любые изменения, происходящие в мире, в интересах обеспечения устойчивого развития. Признаками конкурентоспособности высшего образования, а соответственно, и благосостояния страны выступают качество, скорость и гибкость в приспособлении системы к наметившимся глобальным трендами.

Одним из основополагающих мегатрендов мирового развития, оказывающих влияние на характер перестройки мировой системы социально-экономических отношений, выступает *демографический фактор*: увеличение объема и изменение структуры населения. В контексте исследования это означает существенные изменения в объеме,

характере и структуре спроса на высшее образование в среднесрочном и долгосрочном периодах.

Данные, представленные на рис. 1, прогнозируют общее увеличение глобального населения с 2017 г. – 7,55 млрд чел., до 2030 г. – до 8,6 млрд чел.; к 2050 г. – 9,8 млрд чел, а к 2100 г. – 11,2 млрд чел.

Динамика означает непосредственное увеличение потребителей экономики и ресурсов для ее обслуживания, что будет способствовать формированию дополнительной потребности в квалифицированных кадрах и увеличению потенциального рынка образования в абсолютном значении. Опираясь на представленную статистику демографических изменений, критически важно отметить, следующее. В период с 2017 г. до 2030 г. уже заметна тенденция снижения населения в странах Европы; в странах Латинской Америки, Карибского бассейна и Океании – небольшой рост населения при замедлении его темпов; а в странах Азии и Африки, наоборот, нарастание темпов роста. В период 2030–2050 гг. будет наблюдаться снижение темпов воспроизводства населения во всех регионах мира, за исключением стран Африки и

* Раздел подготовлен на основе результатов совместных образовательных проектов программ ЕС Темпус и Эразмус+.

© Олейникова О. Н., Редина Ю. Н., 2018

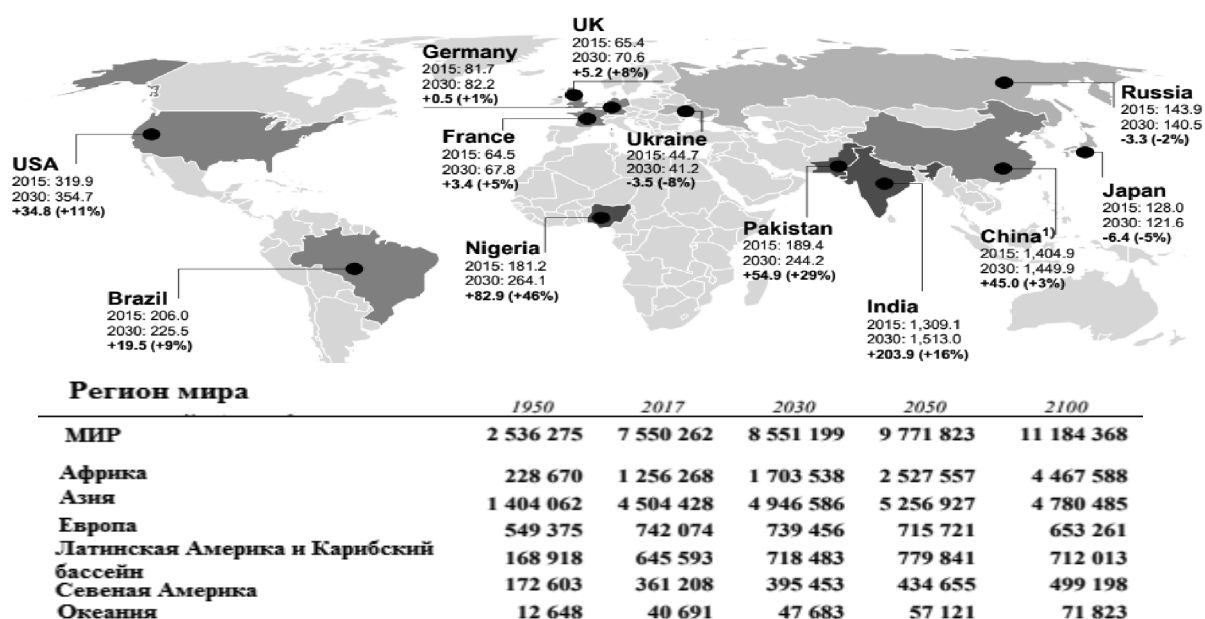

Рис. 1. Рост глобального населения с 2017 г. до 2030 г., 2050 г., 2100 г. (тыс. чел.) [1]

Азии, на которые уже к 2050 г. будет приходиться до 80 % всего мирового населения. Настоящая динамика подтверждает смещение будущего фокуса внимания и основного спроса в сторону развивающихся стран. Нигерия, Пакистан, Индия – страны с потенциально наибольшими темпами прироста населения, в то время как драйвером роста населения в США, в основном, станут мигранты, что будет сказываться, в том числе, и на пересмотре общей политики в области высшего образования и привлечения трудовых ресурсов.

Общее снижение темпов рождаемости в развитых странах и как следствие увеличение среднего возраста населения будут усиливать нарастающие диспропорции между развитыми (старееющими) и развивающимися (молодыми) странами, что прогнозирует существенные изменения глобального рынка труда и характера спроса на высшее образование в условиях повышенного внимания к проблемам социальной сферы и устойчивости развития. Средний возраст в развитых странах к 2030 г. будет составлять 44 года, в развивающихся – 31,2 года. К примеру, в Японии – 51,5 года; в США – 39,8 лет, в Германии – 47,6 лет, Великобритании – 42,4 года, Италии – 50,9 лет, в Нигерии – 15,7 лет, Мали – 17,8 лет, Сомали – 17,7 лет, в Китае – 43 года, в Индии – 31,4 года, Нигерии – 15,7 лет, Бразилии – 37, 7 лет, России – 42,6 года [1, с. 8].

Кроме того, при исследовании фактора демографических изменений в контексте их влияния на будущее высшее образование наиболее информативным является анализ возрастной структуры

глобального населения и темпов роста населения в возрасте от 15 до 24 лет как традиционных потребителей услуг высшего образования в современном мире. Если посмотреть текущую структуру населения мира, представленную на рис. 2, то заметен явный перекося между развитыми и развивающимися странами по объему «потенциальных» студентов на среднесрочную перспективу к 2030 г. В Европе, Северной Америке, Океании условно от 16 до 23 % или около 100 млн чел. от общего объема населения составляют дети в возрасте до 14 лет – потенциальные будущие студенты, тогда как в странах Азии и Африки этот показатель составляет 24 % и 41% соответственно (1 млрд и 515 млн чел.). Все это приводит к выводу о неизбежной перестройке мировой системы высшего образования в сторону роста влияния этих регионов в международном образовательном пространстве, а значит, и необходимости предпринимать превентивные меры не только с точки зрения обеспечения потребностей системы высшего образования, но и с позиций безопасности национальных интересов.

Если посмотреть на представленные на рис. 3 темпы роста мирового населения в возрасте от 15 до 24 лет в динамике, можно констатировать не только увеличение разрыва в темпах прироста потенциального предложения студентов традиционной возрастной категории между развитыми (от 50 до 80 млн чел.) и развивающимися странами (преимущественно страны Африки и Азии – от 318 млн чел. и 711 млн чел. в 2030 г. до 500 млн и

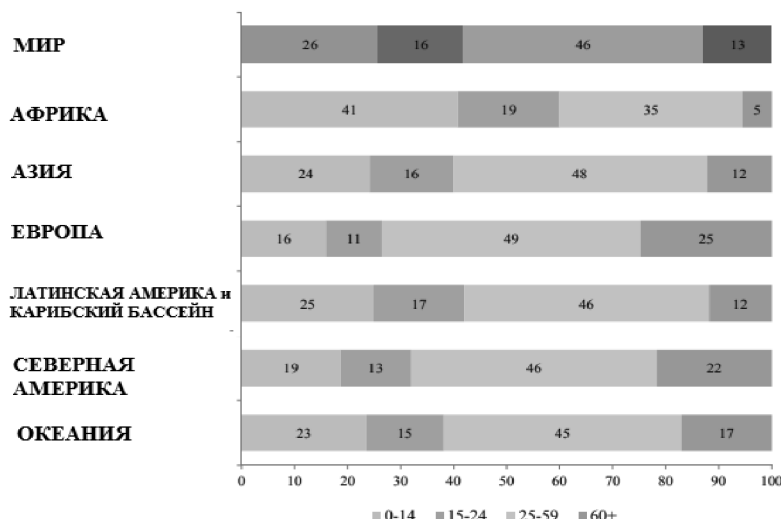

Рис. 2. Структура глобального населения в 2017 г. [1]

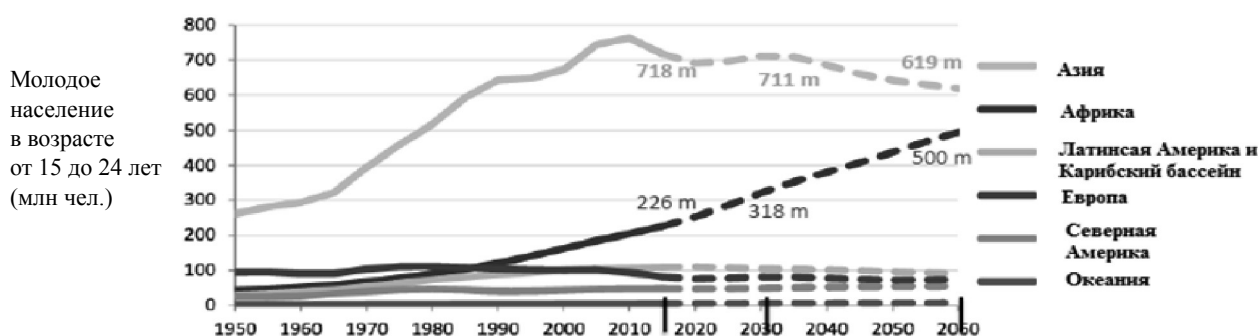

Рис. 3. Прогноз темпов роста населения в возрасте от 15 до 24 лет в регионах мира [1]

619 млн чел. в 2060 г.), но и расширение общего доступа к базовому и высшему образованию.

В контексте исследования важно зафиксировать объективный тренд – трансформацию общей структуры спроса и предложения высшего образования к 2030–2060 гг., что потенциально будет отражаться и в национальных политиках высшего образования. В частности, в странах с низким и средним уровнем дохода спрос на высшее образование будет усиливаться со стороны традиционных потребителей высшего образования – студентов до 24 лет, в странах же высокого уровня дохода в условиях устаревания населения и увеличения их расходов будут наблюдаться стагнация спроса со стороны традиционных студентов и дефицит локальных студентов, а также увеличение доли потребителей высшего образования среди людей старше 24 лет. А это означает, что образовательные программы (особенно в развитых странах) будут становиться еще более гибкими,

доступными и быстро подстраивающимися к изменениям конъюнктуры, доминирующее значение возможностей непрерывного образования.

Соответственно демографические сдвиги окажут влияние на изменение структуры и географии высшего образования – увеличение спроса со стороны развивающихся стран (Азия, Африка, Латинская Америка) и трансформацию предложений образовательных программ со стороны развитых. Таким образом, одной из ключевых характеристик будущего высшего образования станет диверсифицированный спрос.

Рост среднего класса в мировом и национальном контексте, увеличение объемов его расходов и потребления как основного источника роста экономики станет одним из ключевых драйверов трансформации мирового рынка высшего образования, способствуя росту его объема и расширению категорий потребителей среди населения, которому ранее это было недоступно.

Согласно данным, представленным в табл. 1, наибольший прирост доли среднего класса к 2030 г. в контексте региональной структуры населения и объема расходов будет наблюдаться в странах Азии (в частности в Китае и Индии) и Африки. В Северной Америке и Европе наоборот – прогнозируется сокращение доли среднего класса, что скажется и на состоянии локального рынка образования: падение спроса на него со стороны местных жителей и в то же время увеличение потребности в квалифицированных специалистах, соответственно, прогнозируется увеличение спроса на высококвалифицированных мигрантов, а значит, и обострение конкуренции за студентов и таланты как необходимое условие выживания. Кроме того, в развитых странах будет наблюдаться рост расходов со стороны возрастного населения, что также формирует дополнительные возможности для развития непрерывного образования и образования для взрослого населения, в том числе предложения по переподготовке и получению новой квалификации. В целом, динамика увеличения расходов со стороны среднего класса демонстрирует,

что на долю Азии и Африки будет приходиться до 64 % от общемировых расходов, а это значит, что они и будут составлять основную платежеспособную категорию спроса на высшее образование.

Необходимо отметить постепенное перераспределение сил в структуре лидеров мирового потребления среднего класса как основного источника игрока на рынке высшего образования. Представленный в табл. 2 рейтинг стран по уровню потребления на период 2015–2030 гг. показывает: несмотря на то, что в абсолютном значении объем США остается неизменным, в условиях резкого увеличения расходов со стороны Китая и Индии доля развитых стран постепенно уменьшается. К 2030 г. Индонезия, Мексика, Бразилия также будут увеличивать объем потребления и долю среднего класса, в то время как Франция, Италия уже даже не попадают в рейтинг 10 крупнейших потребителей. Намечившаяся тенденция прямо или косвенно будет влиять и на рынок академической мобильности и развитие высшего образования в целом – сократится объем спроса и потребления в одних регионах и усилится в дру-

Таблица 1

Структура мирового среднего класса и объема расходов [2, р. 14–15]

	2015 г.		2020 г.		2025 г.		2030 г.	
	млрд чел.	%	млрд чел.	%	млрд чел.	%	млрд чел.	%
Северная Америка	335	11	344	9	350	8	354	7
Европа	724	24	736	20	738	16	733	14
Центральная и Южная Америка	285	9	303	8	321	7	335	6
Азиатско-Тихоокеанский регион	1380	46	2023	54	2784	60	3492	65
Субсахарная Африка	114	4	132	4	166	4	212	4
Ближний Восток и Северная Африка	192	6	228	6	258	6	285	5
ИТОГО в МИРЕ	3030	100	3766	100	4617	100	5412	100
Объем расходов в постоянных ценах 2011 г. (млрд дол.)								
	млрд дол.	%	млрд дол.	%	млрд дол.	%	млрд дол.	%
Северная Америка	6174	18	6381	15	6558	13	6681	10
Европа	10920	31	11613	27	12159	23	12573	20
Центральная и Южная Америка	2931	8	3137	8	3397	8	2631	6
Азиатско-Тихоокеанский регион	12332	36	18174	43	26519	51	36631	57
Субсахарная Африка	915	3	1042	2	1295	2	1661	3
Ближний Восток и Северная Африка	1541	4	1933	5	2306	4	2679	4
ИТОГО в МИРЕ	34814	100	42279	100	52234	100	63854	100

Таблица 2

Рейтинг стран в структуре мирового потребления среднего класса в 2015–2030 гг.
в абсолютном выражении (в постоянных ценах 2011 г.) и % глобального потребления [2, р. 19]

Страна	2015 г.		Страна	2020 г.		Страна	2030 г.	
	трлн дол.	%		трлн дол.	%		трлн дол.	%
США	4,7	13	Китай	6,8	16	Китай	14,3	22
Китай	4,2	12	США	4,7	11	Индия	10,7	17
Япония	2,1	6	Индия	3,7	9	США	4,7	7
Индия	1,9	5	Япония	2,1	5	Индонезия	2,4	4
Россия	1,5	4	Россия	1,6	4	Япония	2,1	3
Германия	1,5	4	Германия	1,5	4	Россия	1,6	3
Бразилия	1,2	3	Индонезия	1,3	3	Германия	1,5	2
Великобритания	1,1	3	Бразилия	1,2	3	Мексика	1,3	2
Франция	1,1	3	Великобритания	1,2	3	Бразилия	1,3	2
Италия	0,9	3	Франция	1,1	3	Великобритания	1,2	2

гих. Средний класс – основной платежеспособный источник финансирования программ высшего образования, студенческой мобильности и др. Таким образом, рынки предложения образовательных услуг будут вынуждены переориентироваться на рынки спроса. Оценивая прогнозную статистику среднего класса, можно предположить усиление региональной трансформации высшего образования, а значит, азиатские и африканские страны станут основным инвестором развития международного образования и сотрудничества. В целом рост расходов в абсолютном значении означает и увеличение объема частного финансирования образования.

Еще один макротренд, влияющий на изменение структуры и объема спроса на высшее образование – *усиление процессов урбанизации* в развивающихся странах и ускорение процессов миграции населения в поисках карьерных возможностей. Прогнозируется увеличение мирового населения в городах до 60 % к 2030 г. по сравнению с 2015 г. (54 %). Наибольший рост будет приходиться на развивающиеся страны (до 94 % от общего роста населения в городах). К 15 городам с наибольшими темпами роста относятся – Пекин, Шанхай, Дели, Каир, Карачи, Мумбай, Киншаса, Кольката, Лагос, Дакка, в которых рост, по сравнению с 2015 г., составит в среднем более чем 50 %. Потенциально это также будет способствовать увеличению числа потребителей образовательных программ и развитию локальных и региональных университетов, усилению темпов регионального и международного университетского взаимо-

действия, инвестиций в высшее образование со стороны целевых инвесторов и региональных бизнес-структур, а также активному развитию внутри-региональной мобильности и стажировок.

Несмотря на сохранение общих направлений международных миграционных потоков, в период 2015–2030 гг. будет наблюдаться их постепенное снижение, что будет связано, в том числе, и с пересмотром миграционной политики стран. К примеру, прогноз чистого миграционного потока предполагает, что в странах Европы (14,1 млн чел. в период 2015–2030 гг. против 21,4 млн чел. в период 2000–2015 гг.) и Северной Америки (17,5 млн чел. в период 2015–2030 гг. против 18,1 млн чел. в период 2000–2015 гг.) будет сокращаться приток мигрантов, а в странах Латинской Америки и Карибского бассейна (4,4 млн чел. в период 2015–2030 гг. против 10 млн чел. в период 2000–2015 гг.), Азии (22,8 млн чел. в период 2015–2030 гг. против 23,4 млн чел. в период 2000–2015 гг.), Африки (6,9 млн чел. против 8,7 млн чел.) и Океании (2,4 млн чел. против 2,5 млн чел.) будет наблюдаться сокращение чистого оттока мигрантов, а значит, основное внимание всё также будет направлено на решение социальных, правовых и экономических проблем мигрантов и поиск дополнительных образовательных возможностей внутри региона [3, с. 19].

Рост темпов промышленного производства и ВВП в развивающихся странах и, как следствие, *появление новых рынков* будут увеличивать потребность в обслуживании национальных экономик и спрос на продукты развитых стран –

технологии, товары, тем самым обостряя экономические диспропорции между развитыми и развивающимися странами. Развитые страны формируют основное предложение, развивающиеся – спрос; соответственно будет происходить усиление зависимости развитых стран от развивающихся и новая реальность выстраивания взаимоотношений, в том числе в рамках образовательного пространства, по мере усиления экономического развития. Такие страны, как Бангладеш, Египет, Иран, Мексика, Пакистан, Бразилия, Вьетнам, Малайзия, Индонезия и другие демонстрируют наибольшие темпы роста ВВП, а значит, в среднесрочной перспективе будут наблюдаться рост их влияния в мировой экономике и потенциальное увеличение расходов на образование, в том числе со стороны государства, и квоты на зарубежное обучение.

Ожидается усиление процессов *экономической интеграции* – рост внутрирегиональных и межрегиональных экономических отношений, что будет дополнительно стимулировать усиление сотрудничества по линии образования.

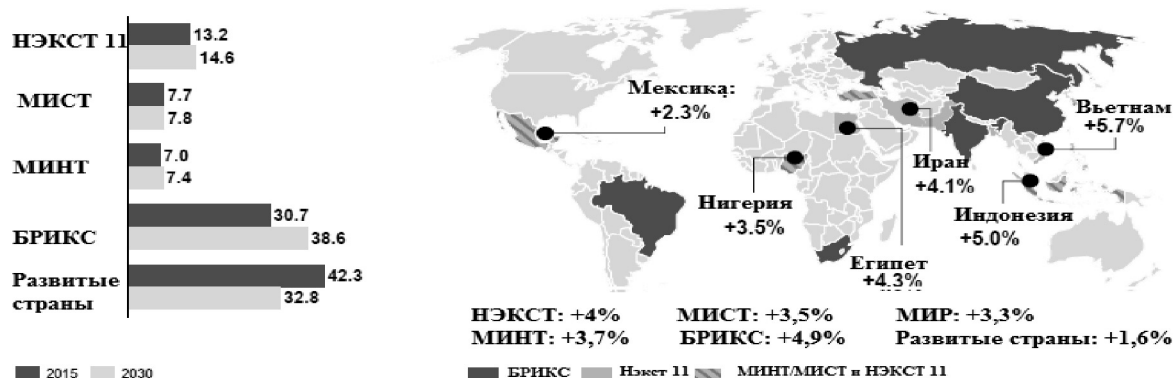
Прогноз темпов роста экономики в ряде развивающихся стран (Мексика, Пакистан, Турция, Вьетнам, Индонезия и др.) формирует предпосылки появления новых экономических центров, помимо стран БРИКС, и появление новых рынков образования, а потенциально и трансрегиональных группировок среднего уровня с доминирующим участием соответствующих стран, усиливая свое влияние в мировой экономике и мировом образовательном пространстве. Например, появление группировки НЕКСТ 11 или МИСТ/МИНТ. Эти страны будут активно стремиться к расширению

экономических взаимосвязей, формировать основной спрос на мировые технологии/товары/знания для повышения уровня развития экономики и создавать предложение трудовых ресурсов, студентов, интенсифицировать международное сотрудничество. В целом, на группы стран БРИКС и НЕКСТ 11 будет приходиться к 2030 г. более 50 % мирового ВВП, согласно данным, представленным на рис. 4.

Еще одним мегатрендом является формирование *глобального общества знаний и экономики знаний*. Основа будущего развития, благосостояния и конкурентоспособности страны – это национальный «фонд знаний» и база для ноу-хау, условно выраженная в числе людей с высшим образованием, которые формируют будущий основной исследовательский потенциал.

Согласно программе устойчивого развития ООН, в качестве одной из целей прописано *расширение доступа к образованию*, обеспечение всестороннего и качественного образования, продвижение непрерывного обучения, сокращение гендерного разрыва. Реализация этой политики приведет к тому, что к 2030 г. 91 % мирового населения будет иметь базовое образование (88 % в 2015 г.); 55 % мирового населения получит высшее образование (50 % в 2015 г.) [5, р. 8]. Если посмотреть на данные рис. 5 региональной структуры получающих высшее образование, то отмечается общий рост спроса на высшее образование к 2030 г., особенно в странах Азии и Океании (прирост до 50 %) и Южной Америки (прирост на 13 %).

Сокращение диспропорций внутри населения, рост доходов среднего класса, реализация глобальных целей устойчивого развития, увеличе-

НЕКСТ (НЕКСТ) 11: Бангладеш, Египет, Индонезия, Иран, Мексика, Нигерия, Пакистан, Филиппины, Турция, Ю. Корея, Вьетнам; МИНТ (МИНТ): Мексика, Индонезия, Нигерия, Турция; МИСТ (МИСТ): Мексика, Индонезия, Ю. Корея, Турция

Рис. 4. Доля групп стран в мировой структуре ВВП (%) и темпы роста ВВП (%) в 2030 г. [4, р. 26]

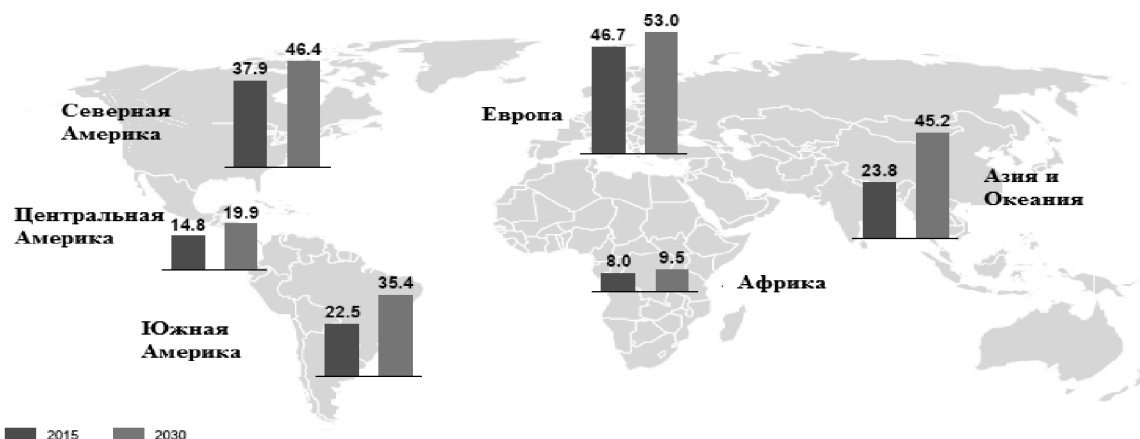

Рис. 5. Доля людей соответствующего возраста, получающих высшее образование в 2015 г. и 2030 г. (%) [6, р. 9]

ние доступа к базовому образованию (особенно в странах Африки) приведет к увеличению рынка потенциальных потребителей высшего образования, диверсификации образовательных программ в мировой системе высшего образования в соответствии с текущими потребностями экономик стран-спроса и поставщиков студенческих ресурсов, фокусированию на инфраструктурных и системных изменениях, расширению возможностей и инструментов финансирования высшего образования, а также, в целом, к усилению эффективности взаимодействий между основными стейк-

холдерами. Наибольшие темпы роста получения высшего образования к 2030 г. будут наблюдаться в странах Азии и Латинской Америки.

Демографические и экономические изменения приведут к обострению конкуренции за таланты и студентов в условиях нехватки квалифицированных специалистов в средне- и долгосрочном периоде. В развитых странах – по причине старения населения и выхода на пенсию, а в развивающихся – для обслуживания экономики в условиях ускоряющихся темпов роста.

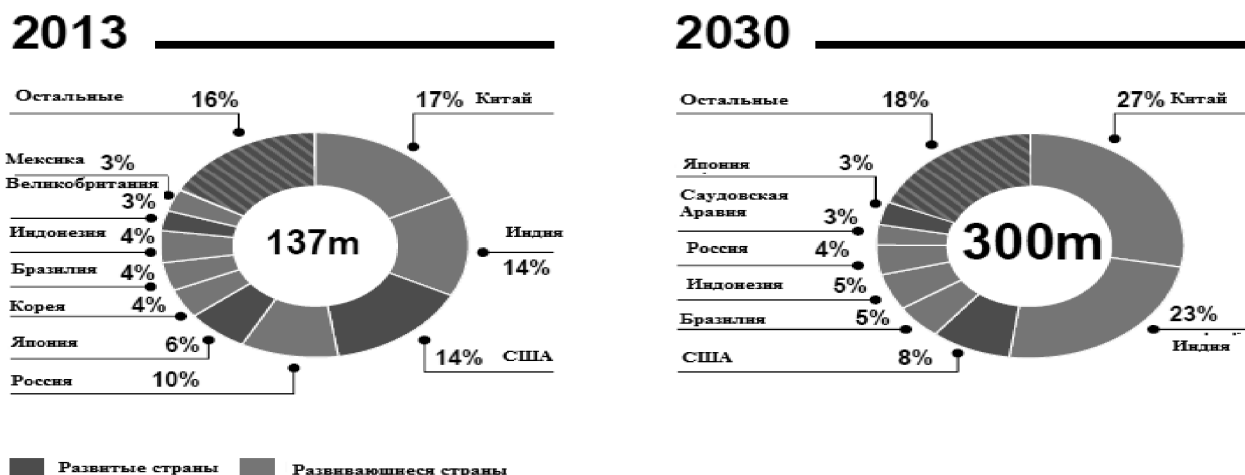

Рис. 6. Структура мирового населения с высшим образованием в возрасте от 24 до 35 лет (%) [6, р. 18]

Рисунок 6 демонстрирует, что к 2030 г. будет наблюдаться существенный рост уровня «образованности» Китая и Индии, которые в совокупности будут составлять 50 % мирового рынка людей с высшим образованием в возрасте до 35 лет, а это значит, что в период 2020–2030 гг. – это основные рынки, формирующие спрос на высшее образова-

ние и международные программы, актуальные для повышения благосостояния и развития экономики.

Еще одним важным показателем в контексте исследовательского потенциала высшего образования как фактора притяжения иностранных студентов является наличие преподавателей-исследователей.

Основная концентрация исследователей на 1 млн чел. приходится на страны Северной Америки и Европы (до 50% мирового рынка) и Азиатско-Тихоокеанский регион (до 43%), 4% в странах Латинской Америки, 1% в Африке, 2% в странах арабских государств [6, р. 20]. Основной мировой студенческий поток в средне- и долгосрочной перспективе – как уже неоднократно отмечалось – будет из стран Африки и Азии, что еще раз подтверждает наметившийся в последние годы устойчивый тренд перестройки мировой образовательной системы под интересы этих регионов. Основным вызов в этих условиях для национальных образовательных систем – реализовывать политику привлечения таким образом, чтобы стараться установить условный фильтр «качества» иностранных студентов с целью избежать процессов «размывания» качества высшего образования.

Важным параметром является накопление квалифицированных ресурсов для создания технологического задела в условиях, когда инновации становятся осознанным «заменителем» создания богатства по сравнению с эксплуатацией природных ресурсов, а высшее образование – главным источником формирования человеческого капитала. Важно подчеркнуть наличие существенного дисбаланса между развитыми и развивающимися странами как центрами разработок и инновационно-исследовательской активности, условно выраженной в структуре мирового патентного рынка, где также доминируют развитые страны, тем самым обостряя диспропорции развития между развитыми и развивающимися странами в уровне спроса на технологии. На мировом патентном рынке доминируют Швейцария, Швеция, Япония, США, Нидерланды, Сингапур и другие развитые страны, в то время как страны БРИКС на порядок отстают, тем самым определяя еще один вызов – необходимость формировать «патентную культуру» в этих странах, увеличивая мотивацию, в том числе университетов, к международному патентованию ведущих разработок как одной из стратегических задач развития, а также укреплять общую исследовательскую мотивацию в вузах.

Цифровая трансформация общества, переход к Индустрии 4.0 и повсеместная *автоматизация* рабочего пространства в потенциале к 2030 г. будут способствовать вынужденному изменению специализации и переквалификации, что повлечет, в том числе, расширение предложения программ дополнительного образования. К 2030 г. около 2,6 млрд чел. (14 % общемирового рынка труда) будут вынуждены сменить работу или переквалифицироваться вследствие автоматизации на рабочем месте и недостаточных уме-

ний. Данная тенденция будет особенно заметна в развивающихся странах – в Китае до 13 % (или около 757 млн чел.) трудового рынка, в Индии до 6 % (или 612 млн чел.), в Мексике до 10 % (или 68 млн чел.), остальные развивающиеся страны – 767 млн чел. (до 9 %). В развитых странах статистика отражает следующее – в США – 166 млн чел. (или 32 % трудового рынка), Япония – 59 млн чел. (или 46 %), Германия – 37 млн чел. (33 %), остальные развитые – 195 млн чел. (33 %) [7, с. 21]. Все это создает дополнительные возможности для сотрудничества между вузами и бизнес-структурами, необходимость закладывать конкретные умения рабочей позиции в образовательную программу; расширяет рынок дистанционного обучения, в том числе транснационального, и способствует активному международному сотрудничеству, особенно между разработчиками и университетами, готовящими специалистов для работы; увеличивает потребность в целевом обучении.

В условиях общего роста спроса на высшее образование со стороны новых регионов общая динамика мобильности из развивающихся в развитые страны будет сохраняться. Тем не менее будет наблюдаться нарастание тенденций внутрирегиональной мобильности (к 2025 г. до 1,4 млн чел.); будут *укрепляться* новые конкурентоспособные *региональные центры привлечения* студентов, в частности Китая, Японии, Южной Кореи, Тайваня, Малайзии, Индии и др., а доля развитых стран в мировом рекрутинге, напротив, будет постепенно сокращаться. К 2024 г. Азия по-прежнему останется крупнейшим регионом – экспортером студентов: Китай – 338 тыс. чел., Индия – 209 тыс. чел.

Рисунок 7 демонстрирует крупнейшие направления мобильности студентов к 2024 г. Из Китая в США прогнозируется поток 239 тыс. чел. студентов, из Индии в США – 159 тыс. чел., из Китая в Австралию – 118 тыс. чел., из Нигерии в Великобританию – 50 тыс. чел.

По темпам прироста исходящей мобильности к 2024 г. наибольшее значение демонстрируют страны: Непал (13 %), Беларусь (8 %), Казахстан (7 %), Вьетнам (6 %), Ирак (4 %), Германия (6 %), Шри-Ланка (8 %), Саудовская Аравия (5 %), Южная Корея (5 %) [8, р. 16]. В целом структура мировой входящей и исходящей студенческой мобильности показана на рис. 8, что еще раз подтверждает нарастание конкуренции.

Учитывая развитие глобальных трендов согласно прогнозам, *общий объем рынка мирового высшего образования* к 2030 г. будет составлять около 332 млн чел. (рост на 56 % по сравнению с 2015 г. – 212,6 млн чел) или около 4 % всего миро-

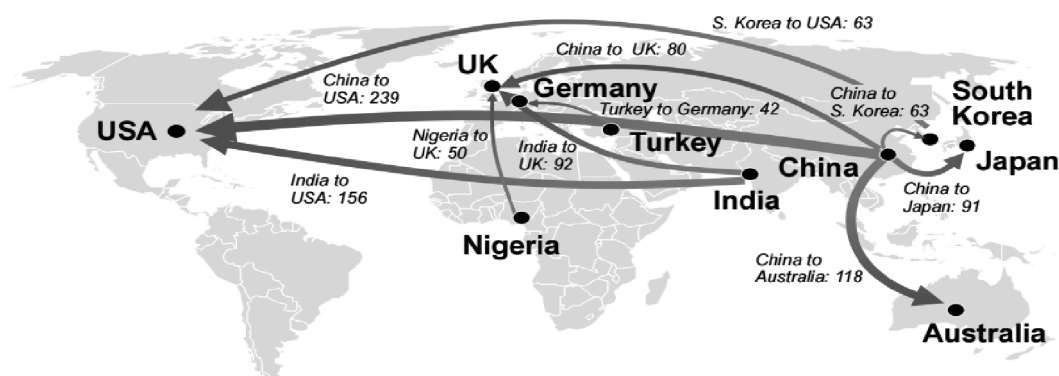

Рис. 7. Крупнейшие направления мобильности в 2024 г., тыс. чел. [6, р. 20]

Рис. 8. Структура мировой исходящей мобильности по стране-происхождению и входящей мобильности студентов по стране приема в 2024 г. [8, р. 17–20]

вого населения. Рынок международного образования прогнозируется в объеме 6,9 млн чел. (что показывает увеличение на 51 % по сравнению с 2015 г. – 4,5 млн чел.) [9, р. 6]; 4,3 млн чел. – потребители образования среди людей старше 24 лет (adult learning) в 15 развитых странах.

Представленная статистика демонстрирует усиление процессов интернационализации высшего образования как одного из факторов развития (рост на 51 % за 15 лет), а следовательно, выводит на повестку дня среднесрочного периода пересмотр в целом политики привлечения иностранных студентов в условиях мировой конкуренции, экономического развития и национальных вызовов.

Как уже неоднократно отмечалось, борьба за студентов в условиях нарастания дефицита ква-

лифицированных кадров и устаревания населения является одним из доминирующих трендов в системе мирового высшего образования. В этом аспекте акцентирование внимания на проблемах модернизации политики привлечения студентов приводит к формализации средне- и долгосрочных *стратегий интернационализации* не только на уровне отдельных университетов, но и внедрение их на *национальном уровне*, отличительной особенностью при этом является системный подход, поддержание конкретных отраслей через расширение и определение образовательных программ в соответствии с потребностями развития экономики, торговой политикой и национальными интересами. К примеру, в Австралии принята Национальная стратегия международного образования до 2025 г., в Канаде – Национальная

стратегия образования, в Китае – Национальный план развития и реформирования образования на средне- и долгосрочный период (2010–2020 гг.), а также Руководство по работе и формированию образовательного сектора в новой эре (2016–2020 гг.), национальные стратегии по интернационализации высшего образования также введены в Швеции, Франции, Германии, Японии, Новой Зеландии, США, Малайзии и др.

Отличительной особенностью современной интернационализации является установление конкретных целевых показателей, в том числе по объему привлечения иностранных студентов и увеличению доли на рынке международного образования; усиление внимания таким параметрам, как отдача от инвестиций в образование и взаимодействия между высшим образованием и промышленным сектором, потенциал реализации целевого трудоустройства и объем найма квалифицированных мигрантов для заполнения нехватки рабочей силы. К примеру, в стратегии интернационализации Австралии прописано увеличение объема иностранных студентов до 720 тыс. чел. к 2025 г., в Канаде – до 450 тыс. чел. к 2022 г., во Франции – до 470 тыс. чел., в Новой Зеландии – до 143 тыс. чел. к 2025 г., в Германии, Китае и Японии к 2020 г. – 350 тыс. чел, 500 тыс. чел. и 300 тыс. чел. соответственно, в Малайзии – 250 тыс. чел. к 2025 г., Южной Кореи – до 200 тыс. чел. к 2023 г. [10, p. 9].

В соответствии с данными опросов мировых вузов касательно выгод, которые дает интернационализация в целом как мотив к развитию, большинство респондентов отмечают по мере убывания значимости – улучшение качества об-

разования (56 % респондентов), увеличение возможностей по подготовке выпускников к реалиям глобального рынка труда (45 %), объем привлекаемых иностранных студентов (37 %), улучшение международной репутации (35 %), улучшение качества исследований и развитие (34 %), повышение конкурентоспособности (26 %), спрос со стороны рынка труда (18 %), получение финансовых преимуществ (10 %) [11, p. 20–100].

Таким образом, интернационализация не просто становится процессом, который сопровождает развитие системы высшего образования, а получает нормативное оформление на национальном и университетском уровнях в качестве основополагающей концепции развития страны в привязке к конкретным экономическим потребностям в целях опережающего развития потенциальных рисков системы и благосостояния страны, а качество человеческого капитала выходит на первый план.

В условиях стагнации экономики и бюджетных кризисов, изменения мировой финансово-экономической конъюнктуры (например, падение цен на нефть как основной источник государственного дохода в некоторых странах) усиливаются тенденции сокращения финансирования высшего образования со стороны государства и увеличения доли частного сектора, если проанализировать график, представленный на рис. 9. К примеру, в Аргентине высшее образование практически полностью финансируется со стороны государства, в Израиле – 50/50, а в США, Японии и Корее – в основном за счет частных средств. Этот параметр тесно связан с объемом и интенсивностью мо-

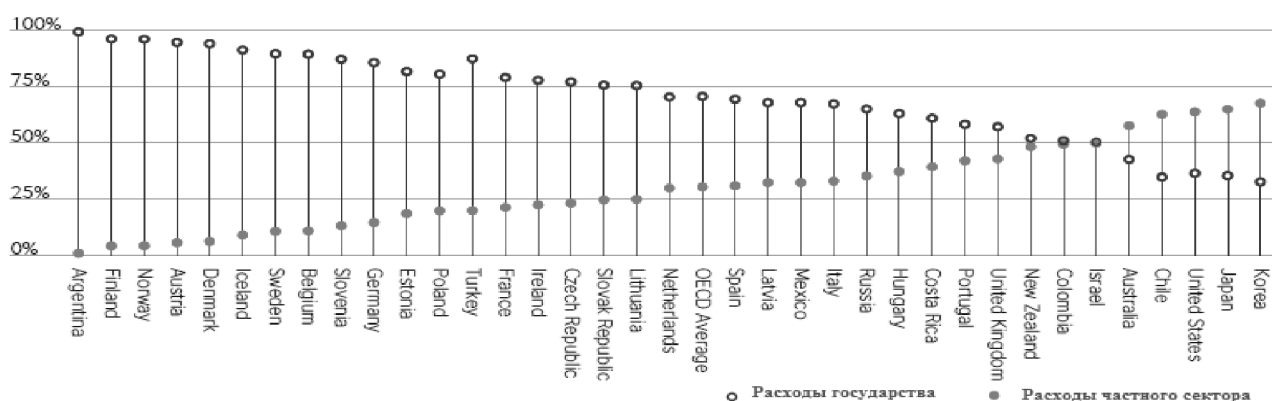

Рис. 9. Структура финансирования высшего образования в странах мира [8, p. 10]

Сокращение государственного финансирования означает и сокращение стипендий, что автоматически влияет на вовлечение в мировое образование, мобильность, уменьшает возможность для локальных студентов выезжать за границу, а также привлекать иностранных. Нарастание конкуренции за приток иностранных студентов и сокращение финансирования способствуют формированию критической зависимости некоторых рынков от притока иностранных студентов как источника финансирования национального высшего образования, что также является одной из предпосылок трансформации структуры мировой системы высшего образования. В этом аспекте важным вызовом в рамках расширения доли мирового рынка образования является усиление диверсификации источников финансирования, в том числе за счет создания новых механизмов государственной политики для поддержки студенческой мобильности и интенсификации *предпринимательских и исследовательских инициатив университетов*, расширения партнерства и тесного взаимодействия с бизнес-структурами.

Сокращение финансирования стипендий повлияло и на изменение приоритетов у студентов при выборе вуза, тем самым формулируя новую важную мировую тенденцию – *снижение значимости бренда университета и его рейтинга как доминирующих параметров при принятии решения о вузе обучения* в течение последних периодов. В условиях общемирового контекста роста конкуренции за студента нематериальное содержание университетского имиджа трансформируется в сознании потенциальных студентов в ценность университета с точки зрения реализации карьерных запросов, качества образования, освоения передовых технологий и умений, стои-

мости обучения и наличия стипендий. Происходят изменения в модели принятия решений в сторону большего прагматизма, где на первый план выходят конкретно измеримые показатели будущей отдачи от инвестиций в образование. Если оценить данные опроса студентов, представленные на рис. 10, то наличие стипендий в вузе и низкая стоимость обучения являются факторами приоритетного выбора.

Из этого можно сделать вывод, что ключевым вызовом, стоящим перед университетами, является поиск дополнительных источников или создание инновационных механизмов по формированию стипендиальных фондов, что влияет на изменение политики вуза, будет способствовать ее трансформации при формировании средне- и долгосрочных стратегий развития, куда потенциально может быть включен новый показатель – отдача от инвестиций.

В этом контексте одно из важных направлений трансформации политики вузов – разработка концепций и мер, направленных на *удержание локальных студентов* наряду с привлечением иностранных, а также увеличение *внимания созданию условий комфортного обучения* студентов. Образование становится внимательным к деталям и чувствительно к любым факторам реакции и изменений – качеству приема студентов, сервиса, оказанию визовой поддержки, организации условий проживания, содействию в реализации карьерных запросов и поиску дополнительных финансовых ресурсов, оказываемой помощи и поддержки при социальной адаптации, наличию возможностей для изучения иностранного языка, борьбы с дискриминациями различного рода и др. Большое значение имеют совершенствование и сближение качества и условий обучения при ре-

Рис. 10. Приоритеты студента при выборе вуза (данные опроса) [8, р. 10]

ализации дистанционных и транснациональных программ, в том числе с учетом геополитических факторов, формирование механизмов активного привлечения местных студентов к адаптации иностранных в стране пребывания. Это определяет смещение фокуса стратегического внимания вузов на обеспечение качества условий пребывания и обучения студентов как существенный фактор конкурентоспособности в международном образовательном пространстве.

Еще одной тенденцией последних лет является внедрение *английского языка как языка обучения и преподавания в странах не носителях*. Рисунок 11 демонстрирует соотношение программ на английском языке на примере европейских стран, где в структуре явно доминируют программы бакалавриата, что отражает общий тренд языковой унификации программ и ориентацию на мобильность в широком смысле. В целом это влияет на качество образования, уровень интернационализации вуза и его вовлечение в мировое образовательное пространство.

Около 1,5 млрд чел. сегодня изучают английский язык как иностранный, что в целом превосходит количество человек, для которых английский является родным языком. Несмотря на все преимущества, получаемые вследствие увеличения языковой грамотности, объема национальных программ на иностранном языке или совместных форм, это создает и дополнительные вызовы национальным системам образования в контексте их влияния на социальную сферу, экономику, миграцию и развитие национального языка. Соответственно, университеты должны выстраивать языковую политику преподавания и обучения таким образом, чтобы не создавать дополнительных рисков социально-экономическому благополучию.

Интегрироваться через язык в мировое образовательное пространство, но сохранять собственную идентичность и обеспечивать безопасность страны в контексте возвращения студентов из-за рубежа и сохранения национального фонда квалифицированных кадров.

Одной из важных проблем последних периодов является разновекторное сосуществование рынка образования и рынка труда – несоответствие требований работодателей и набора умений и знаний, предлагаемых в образовательных программах. В контексте усиления фокуса глобального и национального развития на повышении уровня квалификации молодых людей происходит увеличение влияния фактора многосекторального взаимодействия. Пересмотр подходов к реализации программ и повышения качества трудоустройства выпускников приводит к наращиванию *корпоративного партнерства между высшим образованием и бизнесом*, а вследствие этого – появлению новых форм взаимодействия с целью обеспечения согласования интересов высшего образования как поставщика образовательного продукта и инвестиций бизнеса в развитие человеческого потенциала, что в свою очередь сказывается на росте общей эффективности и отдачи от инвестиций в образование. К примеру, происходит развитие новых форм международных виртуальных стажировок в компаниях, увеличивается количество образовательных программ «по запросу умений» со стороны индустрии и специализированного образования. Так, Google поощряет многие виды образовательных программ в области инноваций, способствует внедрению новых методов преподавания, создает стипендии и нанимает готовых специалистов с конкретными умениями и знаниями для формирования собственного фонда

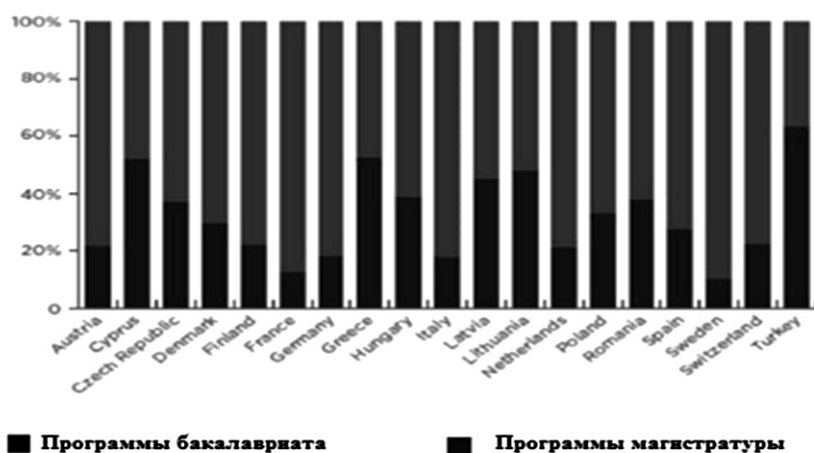

Рис. 11. Структура программ на английском языке в европейских странах в 2017 г. [9, р. 25]

квалифицированных кадров. Таким образом, происходит постепенная трансформация современного высшего образования в сторону *ориентации на конкретного потребителя и формирование индивидуальных подходов к обучению*.

Наращение процессов цифровой трансформации общества и технологических инноваций, рост автоматизации и управления, переход к цифровой экономике и Индустрии 4.0 увеличивают спрос на разработки цифровых технологий, технологий в образование и образовательные технологии как фактор развития системы высшего образования, конкурентоспособности вуза и выпускников.

На текущий момент *около 2 % мирового рынка образования оснащено современными технологиями* [10]. Лидерами по инвестициям в технологии образования на основании статистики 2016 г. являются США (68 %), Китай (20 %), Индия (3 %), Канада (3 %), Великобритания (1 %), на долю остальных стран мира приходится около 5 % [там же, р. 12]. В совокупности на Китай и США – 88 % мирового рынка технологий, что формулирует опасный разрыв для конкурентоспособности остальных стран. Увеличение доли транснационального и дистанционного образования, качества и количества мобильных программ влияет на изменение функционирования высшего образования как институциональной структуры (изменение процессов управления при внедрении цифровых технологий) и в целом на модернизацию образовательных подходов [12].

К примеру, рост онлайн-технологий и технологических инноваций уже изменяет систему взаимодействия преподаватель–студент–информация с точки зрения приобретения умений и знаний. Онлайн-взаимодействия между работодателем и студентом для формирования специфических умений на конкретном рабочем месте; появление новых технологий обучения (*игровые платформы, искусственный интеллект, виртуальные опыты и смешанная реальность, адаптивное обучение, интернет вещей, Большие данные, социальные медиа и др.*) – все эти тренды уже трансформируют технологии образования.

Внедрение новых технологий и формирование цифрового общества обозначают следующие направления развития высшего образования:

1) необходимость обеспечения общекультурной трансформации – увеличение «*цифровой грамотности*» как *нового умения современного общества*, подготовка новых образовательных программ, а также большее внимание практическим умениям;

2) интенсификация сотрудничества между университетами (сети, альянсы и др.) и увеличение скорости проектного взаимодействия, что повысит общую эффективность;

3) разработка *процессов гибкой системы оценки* знаний и умений на индивидуальном уровне (*усиление развития кастомизации образования*);

4) формирование университетами понимания цифровых сред и интуитивной адаптации, создания контента, влияния технологий на поведение индивида и общества;

5) рост международных открытых образовательных платформ, мобильного и смешанного обучения, коллаборативного обучения и социальных образовательных сетей;

6) рост гибкости экосистем высшего образования для интеграции новых методов обучения;

7) развитие интуитивных компьютеров – увеличение способов машинного и тактильного обучения, распознаванием голоса, что в целом определяет рост спроса на программы по точным дисциплинам;

8) увеличение значения университетских онлайн-библиотек как местного технологического хаба [13, р. 20–35];

9) продвижение непрерывного обучения как основа будущего развития высшего образования.

В контексте технологических инноваций и автоматизации рабочего пространства намечается новый тренд – *спрос на специфические умения* и их соответствие выполнению работы на конкретной позиции, а также спрос на передаваемые профессиональные умения широкого применения (transferable skills) и готовность работать в заданных условиях (workplace-ready). Кроме того, будет продолжать усиливаться спрос на умение изобретать и творить для поддержания баланса между автоматизацией и управлением процессами, когнитивные умения и мягкие умения (в частности, умение принимать решения, работать в команде, расставлять приоритеты в работе и др.).

В качестве примеров спроса в среднесрочном периоде со стороны работодателей можно обозначить представленные на рис. 12, тем самым обозначив доминирующее влияние цифровых технологий и способность управлять этими процессами [10; р. 13–15].

Дискуссии последних лет разворачиваются вокруг исследований наиболее успешной модели и стратегии развития высшего образования и университета. Подходы к переосмыслению содержания роли университета и его значения как организации высшего образования или институциональ-

Рис. 12. Ключевые умения будущего спроса со стороны работодателей [10; 13–15]

ной структуры отражают, прежде всего, целевые подходы к предложению и формированию образовательных программ, характер взаимодействия с индустрией и студентами. Так, ведущие мировые эксперты в области высшего образования выделяют следующие современные типы университетов.

1. *Исследовательский университет*: генератор знаний и образовательных программ; аккумулирует лучшие практики в конкретной области; тесно связан с промышленным сектором.

2. *Передовой, междисциплинарный университет*: генератор междисциплинарных знаний; часть исследовательского университета.

3. *«Клуб высшего образования»*: фокус на студенто-центрированном обучении, внимание на наставничестве, учебном заведении и условиях обучения; не является генератором образовательных программ.

4. *Цифровой университет*: гибкость образовательных программ, широкое использование образовательных платформ, дистанционная поддержка студентов, расширенный доступ.

5. *«Институт профессиональных знаний»*: фокус на качестве профессионального развития и расширении возможностей карьерного роста, тесная связь с промышленностью [9, с. 9].

Представленный подход не означает аксиому жестких принципов развития современных университетов, однако отражает преобладание тех или иных параметров в общей стратегии успешной деятельности. Современный университет должен включать в себя часть каждого из этих элементов.

В контексте общих тенденций будущего развития системы высшего образования, хотелось бы обозначить наиболее важные черты:

- стремление к активной интернационализации при одновременном расширении степени влияния на национальном и региональном уровнях;
- стремление к интенсификации международного и национального многоотраслевого сотрудничества с бизнес-структурами и индустрией;

– реализация деятельности с точки зрения взвешенных рисков – ориентированных подходов при принятии решений;

– усиление предпринимательских инициатив и реализация стратегии «предпринимательского университета»;

– внимание на эффективности и продуктивности деятельности, а также обеспечение равного доступа к университетской среде и образовательным услугам;

– увеличение инноваций в контексте образовательных технологий, исследовательских продуктов и качества условий обучения;

– общая трансформация в сторону большей гибкости и мобильности всех составляющих параметров высшего образования;

– постепенный переход к новой модели – социально-ответственного университета (Университет 4.0).

Таким образом, можно резюмировать основные макрофакторы и вызовы, влияющие на высшее образование и состояние международной мобильности как предпосылки к ее трансформации (табл. 3 [6; 9; 10; 16; 17]).

Подводя итог исследования основных трендов глобального развития, можно отметить доминирующее влияние демографических и экономических факторов на характер трансформации системы высшего образования – обострение конкуренции за студентов, изменение структуры и географии спроса на высшее образование, диверсификация спроса. Основной фокус внимания будет направлен в сторону развивающихся стран как основного драйвера развития и источник спроса на высшее образование, а следовательно, и усиление взаимодействий с ними по разным направлениям. Нарастание демографических разрывов между развитыми и развивающимися странами меняет структуру основных потребителей высшего образования – увеличение рынка непрерывного образования и образования для взрослого населения; в целом – трансформация высшего образования

Таблица 3

Основные мегатренды развития и их влияние на высшее образование

Мегатренды и потенциальные вызовы	Влияние на высшее образование	Влияние на международную мобильность
1. Старение населения – поиск новых образовательных программ и возможностей для трудоустройства. 2. Изменения на рынке труда – автоматизация (Индустрия 4.0). 3. Несоответствие требований работодателя и ОП. 4. Ускорение темпов урбанизации – увеличение карьерных запросов. 5. Миграционные барьеры в развитых странах – риск для расширения мобильности. 6. Экономические изменения (рост среднего класса, развивающиеся страны – центры экономического роста) – нарастание дисбалансов и зависимости от развивающихся стран, появление новых категорий спроса. 7. Спрос со стороны развивающихся стран, предложения со стороны развитых. 8. Цифровая трансформация общества – изменения подходов к образованию и формирование спроса на специфические умения. 9. Бюджетные кризисы – сокращение государственного финансирования	1. Продвижение непрерывного образования. 2. Внедрение онлайн-обучения, кооперационного и смешанного. 3. Выделение отдельных умений и компетенций, изменение характера спроса на образовательные программы. 4. Ориентация на результаты трудоустройства (соответствие спроса и предложения уровню компетенций и квалификаций). 5. Увеличение тенденций к специализации/консолидации университетов. 6. Изменения в умениях вследствие роста конкуренции с машинами при производстве новых идей. 7. Усиление интернационализации 8. Рост технологий в образовании. 9. Переход к индивидуализированному и междисциплинарному образованию. 10. Развитие предпринимательских инициатив. 11. Рост проектов мегасайнс. 12. Расширение финансовых механизмов, инструментов и источников финансирования	1. Увеличение мобильности, в том числе региональной; появление новых форм. 2. Рост инноваций и транснациональных моделей обучения. 3. Рост университетских амбиций, конкуренции, спроса на инвестиции. 4. Увеличение образовательных программ на английском языке. 5. Ужесточение спроса и политики привлечения иностранных студентов, пересмотр подходов к удержанию местных студентов. 6. Внимание на создании комфортных условиях обучения студентов. 7. Ускорение университетских коопераций. 8. Интеграция высшего образования и бизнеса, появление новых форм виртуальных стажировок. 9. Сокращение границ между формальным образованием и трудоустройством

в сторону еще большей гибкости и мобильности образовательных программ.

Важными вызовами является пересмотр политики привлечения иностранных студентов и поиск дополнительных механизмов финансирования.

Формирование глобального общества знаний, цифровая трансформация и автоматизация изменяют подходы к образовательным технологиям и характер спроса на умения. Образование в целом становится крайне чувствительным к любым стимулам и реакциям, внимательным к деталям и быстро адаптируемым к новым условиям. Общемировой контекст формулирует потребность в пересмотре политики обеспечения качества условий обучения как одного из существенных факторов, а также расширяет в целом применение инвестиционных подходов к анализу эффективности деятельности высшего образования.

Формализация стратегий интернационализации на национальном и университетском уровнях в качестве одной из основополагающих концепций отражает в целом системный подход социально-экономического роста и задачу высшего образования в целях достижения устойчивости развития и обеспечения экономической безопасности, выраженную в конкретных показателях.

Усиление корпоративного сотрудничества между высшим образованием, бизнесом и промышленностью, переход к образованию, основанному на соответствии компетенций, усиление тенденций внедрения образовательных программ, основанных на запросах основных стейкхолдеров и индивидуализированному обучению. Соответственно, можно сделать вывод, что наметившиеся тренды глобального развития определяют основные предпосылки трансформации мировой си-

стемы высшего образования в среднесрочном и долгосрочном периоде. Это в свою очередь формулирует основную повестку дня в контексте пересмотра подходов к реализации деятельности в области высшего образования на национальном и университетском уровнях.

ЛИТЕРАТУРА

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2017). World Population Prospects: The 2017 Revision, Key Findings and Advance Tables. Working Paper No. ESA/P/WP/248. 47 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://esa.un.org/unpd/wpp/publications/Files/WPP2017_KeyFindings.pdf
2. Homi Kharas. The Unprecedented Expansion of The Global Middle Class: An Update. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2017/02/global_20170228_global-middle-class.pdf
3. Roland Berger Trend Compendium 2030. Megatrend 1 Demographic dynamics. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rolandberger.com/en/Publications/pub_trend_compendium_2030_megatrend_1_demographic_dynamics.html
4. Roland Berger Trend Compendium 2030. Megatrend 2 Globalization & future markets [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rolandberger.com/en/Publications/pub_trend_compendium_2030_megatrend_2_globalization_future_markets.html
5. Roland Berger Trend Compendium 2030. Megatrend 6 Global knowledge society. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.rolandberger.com/en/Publications/pub_trend_compendium_2030_megatrend_6_global_knowledge_society.html
6. Global Trends in Higher Education and geographic perspectives for the T.I.M.E. Association. T.I.M.E. General Assembly [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.time-association.org/wp-content/uploads/2017/12/TIME_Geographic_DEVELOPMENT.pdf

7. Manyika J. McKinsey Global Institute. Jobs lost, jobs gained: workforce transitions in a time of automation / J. Manyika, S. Lund, J. Bughin, J. Woetzel, P. Batra, R. Ko, S. Sanghvi. – McKinsey&Company, 2017. – 160 p.
8. British Council. The Future of The World's Mobile students to 2024 / British Council // Education Intelligence, 2013. – 45 p.
9. Choudaha R. Envisioning Pathways To 2030: Megatrends Shaping The Future of Global Higher Education and International Student Mobility / R. Choudaha, E. van Rest // Studyportals, 2018. – 73 p.
10. British Council. 10 Trends. Transformative Changes in Higher Education / British Council // Education Intelligence, 2017. – 22 p.
11. Sursock A. Trends 2015: Learning and Teaching in European Universities / A. Sursock. – EUA Publications, 2015. – 133 p.
12. EdTechXGlobal and IBIS Capital. 10 Insights and Predictions for Education and Training [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecosystem.edtechxglobal.com/2016-edtech-report>
13. NMC Horizon Report. 2017 Higher Education Edition [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cdn.nmc.org/media/2017-nmc-horizon-report-HE-EN.pdf>
14. World Economic Forum. The Future of Jobs Employment, Skills and Workforce Strategy for the Fourth Industrial Revolution [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf
15. Rainie L. The Future of Jobs and Jobs Training / L. Rainie, J. Anderson // Pew Research Center, 2017. – 95 p.
16. European Political Strategy Centre. 10 Trends Transforming Education As We Know It. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/epsc/sites/epsc/files/epsc_10_trends_transforming_education_as_we_know_it.pdf
17. Trends Shaping Education 2016 / OECD Publishing. – 120 p.

Национальный Офис Эразмус+ в России
Олейникова О. Н., доктор педагогических наук, профессор, директор
E-mail: info@erasmusplusinrussia.ru
Тел.: 8 (495) 972-35-90

Редина Ю.Н., кандидат экономических наук, менеджер
E-mail: jn_redina@mail.ru
Тел.: 8 (495) 972-35-90

National Erasmus+ Office in Russia
Oleinikova O. N., Dr. Habil. in Pedagogy, Professor, Director
E-mail: info@erasmusplusinrussia.ru
Tel.: 8 (495) 972-35-90

Redina Yu. N., PhD in Economics, Manager
E-mail: jn_redina@mail.ru
Tel.: 8 (495) 972-35-90